

УДК 947.084.61

КРИЗИС ТОРФЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1920-х гг.

Е. В. ВОЕЙКОВ¹⁾

¹⁾Педагогический институт им. В. Г. Беллинского Пензенского государственного университета,
ул. Красная, 40, 440026, г. Пенза, Россия

Исследуется опыт освоения топливных ресурсов Советского Союза. Отмечается, что история торфяной промышленности СССР является слабоизученной темой. В частности, из сферы научных интересов историков выпал период нэпа, между тем как в годы Гражданской войны, а также в 1930–50-х гг. добыча торфа сыграла важную роль в решении топливной проблемы в стране. Исследуется развитие торфяной промышленности в 1920-х гг. как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Источниковой базой выступают слабо введенные в научный оборот материалы региональных архивов, журнальные и газетные статьи, опубликованные в 1920–30-х гг. специалистами торфяного дела. Показывается процесс массового закрытия торфяных хозяйств в середине 1920-х гг. и последующее прекращение роста объемов торфодобычи. В отдельных регионах страны, например в БССР, наблюдался рост добычи данного вида топлива, но незначительный масштаб его использования не соответствовал объему имеющихся ресурсов. Малоизвестным аспектом истории торфяной отрасли 1920-х гг. является превращение торфяных хозяйств в центры культурного просвещения приходящих на заработки крестьян. Сделан вывод о том, что об экономической эффективности торфяной отрасли свидетельствует факт ее выживания в условиях прекращения господдержки в период нэпа. В Советском Союзе в период нэпа торфяные запасы занимали второе место после угольных. По объемам заготовок на втором месте после угля были дрова, что ставило под угрозу экологическое состояние лесных массивов. Отмечается, что снижение финансирования и децентрализация торфяной промышленности привели к закрытию ряда торфяных хозяйств, спаду торфодобычи и техническим проблемам в отрасли. Кризис торфяной промышленности проявился также в сокращении обследования торфяных месторождений, что отрицательно повлияло на развитие торфодобычи в 1930-х гг.

Ключевые слова: история торфяной промышленности; торфоразработка в период нэпа; обследование торфяных месторождений.

КРЫЗІС ТАРФЯНОЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ САВЕЦКАГА САЮЗА ў 1920-я гг.

Я. У. ВАЯЙКОЎ^{1*}

^{1*}Педагагічны інстытут імя В. Р. Бялінскага Пензенскага дзяржаўнага ўніверсітэта,
вул. Чырвоная, 40, 440026, г. Пенза, Расія

Даследуецца вопыт асваення паліўных рэсурсаў Савецкага Саюза. Адзначаецца, што гісторыя тарфяной прамысловасці СССР з'яўляецца слабавывучанай тэмай. У прыватнасці, са сферы навуковых інтарэсаў гісторыкаў выпаў перыяд нэпа, між тым як падчас Грамадзянскай вайны, а таксама ў 1930–50-я гг. торфаздабыча адыгрывала важную ролю ў вырашэнні паліўнай праблемы ў СССР. Даследуецца развіццё тарфяной прамысловасці ў 1920-я гг. як на ўсесаюзным, так і на рэгіянальным узроўні. Крыніцавай базай сталі матэрыялы рэгіянальных архіваў, а таксама артыкулы ў часопісах і газетах, апублікаваныя ў 1920–30-я гг. спецыялістамі тарфяной справы. Паказваецца працэс масавага закрыцця тарфяных гаспадарак у сярэдзіне 1920-х гг. і спыненне росту торфаздабычы. У некаторых рэгіёнах краіны, напрыклад у БССР,

Образец цитирования:

Воейков ЕВ. Кризис торфяной промышленности Советского Союза в 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;2:28–35. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-2-28-35>

For citation:

Voeikov EV. The crisis of the peat industry of the Soviet Union in the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;2:28–35. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2023-2-28-35>

Автор:

Евгений Владимирович Воейков – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России и методики преподавания истории историко-филологического факультета.

Author:

Evgeniy V. Voeikov, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Russia and methods of teaching history, faculty of history, language and literature. evgenijvoeikov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>

назіралася нязначнае павелічэнне вытворчасці гэтага віду паліва, але невялікі маштаб яго выкарыстання не адпавядаў аб'ёму наяўных рэсурсаў. Малавядомым аспектам гісторыі тарфяной прамысловасці 1920-х гг. з'яўляецца станаўленне тарфяных гаспадарак у якасці цэнтраў культурнай адукацыі сялян. Зроблена выснова аб тым, што эканамічную эфектыўнасць тарфяной прамысловасці пацвярджае факт яе выжывання ў кантэксце спынення дзяржаўнай падтрымкі падчас нэпа. У Савецкім Саюзе ў перыяд нэпа тарфяныя запасы займалі другое месца пасля вугалю. Па аб'ёмах нарыхтовак на другім месцы пасля вугалю былі дровы, але яны ставілі пад пагрозу экалагічны стан лясоў. Адзначаецца, што зніжэнне фінансавання і дэцэнтралізацыя тарфяной прамысловасці абумовілі закрыццё шэрагу тарфяных гаспадарак, спад торфаздабычы і тэхнічныя праблемы ў галіне. Крызіс тарфяной прамысловасці выявіў таксама скарачэнне даследаванняў тарфяных радовішчаў, што негатыўна паўплывала на развіццё торфавытворчасці ў 1930-я гг.

Ключавыя словы: гісторыя тарфяной прамысловасці; торфараспрацоўкі ў перыяд нэпа; даследаванне тарфяных адкладаў.

THE CRISIS OF THE PEAT INDUSTRY OF THE SOVIET UNION IN THE 1920s

E. V. VOEIKOV^a

^aV. G. Belinsky Institute of Teacher Education, Penza State University,
40 Krasnaya Street, Penza 440026, Russia

The study of the historical experience of the development of fuel resources of Russia and the Soviet Union will always be relevant due to special climatic conditions. Russia has occupied and still occupies the first place in the world in terms of peat reserves. The history of the peat industry of the Soviet Union is a poorly studied topic, the period of the new economic policy has fallen out of the sphere of scientific interests of historians. Meanwhile, both during the Civil War and in the 1930–50s, peat extraction played an important role in solving the fuel problem in Russia and the USSR. The subject of the study is the development of the peat industry both at the all-Union level and at the micro-level of a separate region of the Middle Volga region in the 1920s. The source base was poorly introduced into scientific circulation materials of regional archives, magazine and newspaper publications of the 1920–30s peat specialists. The article shows the process of mass closure of peat farms in the middle of 1920s and the cessation of the annual growth of peat extraction volumes for several years. In some regions of the country, such as in BSSR, there was a slight increase in the production of this type of fuel, but the insignificant scale of use of this fuel did not correspond to the available resources. A little-known aspect of the history of the peat industry in the 1920s is the beginning of the trend of peat farms becoming a centre of cultural education for peasants coming to work. An indicator of the economic efficiency of the peat industry is the fact of its survival in the conditions of termination of state support during the period of the new economic policy. Peat fuel reserves, according to the data of the 1920s, occupied the second place in the Soviet Union after coal, but firewood occupied the second place after coal in terms of volumes of billets during the period of the new economic policy, which threatened the ecological state of forests. The reduction of financing and decentralisation of the peat industry led to the closure of a number of peat farms, a decline in production on the remaining ones and problems of technical equipment. In addition to low production rates, the peat industry crisis also manifested itself in a reduction in surveys of peat deposits, which subsequently negatively affected the development of peat extraction in the 1930s.

Keywords: history of the peat industry; peat mining of the period of the new economic policy; survey of peat deposits.

Введение

Природно-климатическая специфика России обуславливает повышенное, по сравнению со многими другими странами, потребление топлива. На протяжении многих десятилетий XX в. важную роль в стране, помимо газовой, нефтяной и угольной отраслей топливной индустрии, играла заготовка торфа. Россия занимала и продолжает занимать первое место в мире по запасам торфа. Торф стал спасением для сотен промышленных предприятий во время топливного кризиса Гражданской войны и выступал

дешевой альтернативой углю и нефти в годы нэпа. Расцвет торфяной промышленности в СССР начался в 1930-х гг. Добыча торфа выросла с 13,5 млн т в 1932 г. до 33,2 млн т в 1940 г. В послевоенный период рост продолжился: в 1950 г. объемы торфодобычи достигли 36,0 млн т, в 1955 г. – 50,8 млн т¹. На торфяном топливе работали Шатурская, Дубровская, Ярославская, Горьковская электростанции, а также все электростанции Белоруссии. Наряду с дровами и углем торф активно использовали предприятия

¹Синицын Н. А., Хазанов Я. Н. Развитие добычи торфа в СССР // 40 лет торфяной пром-сти СССР / под ред. А. Ф. Баусина. М.: Госэнергоиздат, 1957. С. 35.

различных отраслей индустрии во многих регионах страны. В Ивановской области уже в 1936 г. торф составлял 34,5 %, в Московской области – 19,2 %, в БССР – 41,0 % топливного объема². В последние десятилетия XX в. торфяное топливо постепенно заменялось другими видами энергоресурсов [1, с. 6].

На протяжении длительного периода историю торфяной промышленности Урала 1920–50-х гг. исследует Н. А. Родионов [2; 3]. Отдельные очерки и фрагментарные упоминания о добыче торфа в годы Гражданской войны и Великой Отечественной войны, а также об использовании торфяного топлива для электростанций встречаются в научных и научно-популярных работах [4]. Но комплексное исследование торфяной промышленности СССР с рассмотрением всех аспектов производственной деятельности и социокультурного облика рабочих данной отрасли еще не проводилось.

Актуальность темы связана с особыми климатическими условиями России: добыча топлива обеспе-

чивает как функционирование других отраслей индустрии, так и жизнедеятельность социума в целом. История торфяной промышленности СССР и его отдельных регионов изучена недостаточно, при этом наиболее ярко выраженную лагуну представляет собой развитие торфоразработок в годы нэпа.

В рамках статьи рассматривается неисследованный аспект развития торфяной промышленности СССР, связанный с ее кризисом в годы нэпа. Целью данной научной работы является изучение проявлений и последствий кризиса торфяной промышленности СССР в середине 1920-х гг. В ходе подготовки материала были решены следующие задачи: исследован процесс сокращения добычи торфа и массового закрытия торфоразработок в годы нэпа, выявлена степень рентабельности и социальной значимости отрасли как на региональном, так и на общесоюзном уровне, показано отрицательное влияние кризиса торфяной промышленности середины 1920-х гг. на решение топливной проблемы в 1930-х гг.

Методология исследования

В рамках исследования применялся диалектический метод, предполагающий рассмотрение проблемы в динамике и взаимосвязи с конкретными историческими условиями. Были использованы такие методы исторической науки, как сравнительно-исторический и системный. Специальным методологическим подходом стала теория модернизации, которая применительно к СССР трактуется в качестве догоняющей и принудительно насаждаемой государством. В данном контексте торфяная промышленность рассматривалась в русле преодоления перманентной топливной проблемы в СССР и выживания промышленности и общества в условиях нестабильной экономики.

Развитие торфяной промышленности было проанализировано как на общесоюзном уровне, так

и на уровне отдельных регионов, в частности было изучено становление отрасли в Среднем Поволжье, включавшем Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую (до 1924 г. – Симбирскую) губернии и Татарскую АССР. Источниковой базой статьи стали слабо введенные в научный оборот материалы по истории торфоразработок Поволжья 1920-х гг., представленные в региональных архивах Республики Татарстан, Пензенской, Самарской и Ульяновской областей, а также журнальные и газетные статьи, опубликованные в 1920–30-х гг. специалистами торфяного дела и местными хозяйственниками. Социокультурный облик рабочих-торфяников был сознательно исключен из поля исследования, поскольку данное направление заслуживает подробного анализа, что затруднительно осуществить в рамках одной статьи.

Результаты и их обсуждение

В 1923 г. из-за прекращения государственного финансирования было закрыто значительное количество торфоразработок³. В 1924 г. Центральное управление торфяной промышленности (Цуторф) располагало только четырьмя торфоразработками в Московской и Тверской губерниях. Это были Шатурская, Редкинская, Завидовская, Кудиновская торфоразработки⁴. Остальные 99 торфяных пред-

приятий перешли в ведение электростанций, промышленных трестов и организаций.

В Симбирской губернии весной 1922 г. торфоразработки были переданы суконному тресту⁵. В Самарской губернии единственным заготовителем торфа в период нэпа оставалась Мелекесская⁶ льнопрядильная фабрика⁷. В Татарской АССР в 1922 г. были остановлены работы на двух торфоразработках⁸.

²Баусин А. Ф. Торфяная промышленность в третьем пятилетии // За торфяную индустрию. 1939. № 4–5. С. 5.

³Игнатьев И. И. Итоги торфодобычания в сезоне 1923 г. и перспективы на 1924 г. // Торфяное дело. 1924. № 1. С. 19.

⁴Торфяная промышленность в 1924 г. (отчет Цуторфа) // Торфяное дело. 1925. № 1. С. 27, 28.

⁵Гос. арх. Ульян. обл. (ГАУО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 138. Л. 21 об.

⁶Город Мелекес в 1972 г. был переименован в г. Димитровград (сегодня является райцентром Ульяновской области).

⁷Центр. гос. арх. Самар. обл. (ЦГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 301. Л. 96.

⁸Аносов. Полезные ископаемые Татарской Республики // Труд и хоз.-во. 1923. № 4. С. 55; Таттоп на 1-е июня // Бюлл. информ.-издат. отд. при Совнарком автоном. Татар. Социалист. Совет. Респ. 1922. № 6–7. С. 11.

Основным участком добычи торфа осталось Кизическое месторождение в 4 км севернее Казани. В Пензенской губернии в 1922 г. количество торфоразработок сократилось с 15 до 4, затем их передали тресту «Пензолес», который не стал вести добычу торфа⁹.

Очередной кризис торфяной промышленности произошел в середине 1920-х гг. Так, если в 1923 г. в СССР было добыто 2,586 млн т торфа, в 1924 г. – 3,443 млн т, то в 1925 г. – 2,699 млн т торфа. Рост наметился в 1926 г.: было добыто 3,533 млн т торфа. В 1927 г. был достигнут результат в 4,874 млн т торфа¹⁰. Таким образом, результат 1926 г. только на 90 тыс. т превысил показатели 1924 г., при миллионных объемах добычи подобная разница была не существенной. В течение 1924–1926 гг. динамичное развитие отрасли прекратилось со спадом в количестве 744 тыс. т в 1925 г.

Данные по отдельным предприятиям и трестам за 1925 г. показывают широкую географию кризиса торфяной промышленности: «Закрыли в отчетном году свои торфоразработки Первое льноправление (перешло на нефть)... Мосстекло, Бондюжский¹¹ химзавод, Нижегородская фабрика валенной обуви, Электротрест Центрального района... Мосхимоснова, Ковровский пулеметный завод, Госселькож, Новгородский стекольный трест, Ленинградский пенькоджутовый и Владсиликат»¹². В 1925 г. прекратилась добыча торфа в Татарской АССР и Самарской губернии¹³.

Кризис имел региональную специфику. В 1925 г. выросла добыча торфа в Уральской области (на 28,0%), Ленинградской (на 8,8%) и Костромской (на 25,4%) губерниях, а также в БССР (на 52,0%). Но чаще всего в каждом отдельном случае этот рост составлял только тысячи тонн добытого торфа. В то же время традиционные центры добычи торфа, такие как Московская, Владимирская, Нижегородская губернии, сократили объемы добычи на сотни или десятки тысяч тонн (на 144,0 тыс. т в Московской губернии и на 37,6 тыс. т в Нижегородской губернии)¹⁴. В тех регионах, где в середине 1920-х гг. наблюдался незначительный рост добычи торфа, данный вид ресурсов использовался в недостаточной степени. Так, в БССР в 1925 г. было добыто всего 16,4 тыс. т торфа,

что обеспечивало годовое потребление топлива нескольких мелких предприятий и являлось мизерным результатом для региона, месторождения которого, по данным 1930-х гг., составляли около 2,6 млрд т торфа¹⁵. Для сравнения можно привести такие данные: результаты торфяного сезона 1935 г. в БССР достигли 1,805 млн т торфа¹⁶.

Очень сложным периодом для развития ряда отраслей промышленности СССР стали 1922–1927 гг. Например, в 1924 г. из-за сокращения государственных кредитов и дотаций были закрыты 12 военных заводов, уволены 8 тыс. рабочих. Чтобы не простаивать, оставшиеся 50 оборонных предприятий приступили к поиску заказов на производство гражданской продукции [5, с. 85]. Таким образом, для военно-промышленного комплекса СССР, от которого напрямую зависела боеспособность Красной армии и, соответственно, безопасность страны, не смогли найти средства. В 1924 г. в рамках сектора топливной индустрии были ликвидированы сланцевые рудники, начавшие функционировать в 1919 г. В 1930 г. сланцевую промышленность пришлось в спешке восстанавливать [6, с. 85–86, 94]. Рассмотренный в статье кризис торфяной промышленности 1920-х гг. вполне укладывается в тенденцию стагнации отдельных секторов народного хозяйства.

Из-за нестабильной работы транспорта и перебоев в поступлении угля и нефти зимой 1925–1926 гг. под угрозой оказались предприятия Центрально-Промышленной области и Урала, что сразу повысило конкурентоспособность дров и торфа¹⁷. В апреле 1927 г. XIII Всероссийский съезд Советов констатировал необходимость «добычи местных видов топлива, в особенности торфа»¹⁸. Таким образом, политика радикального сокращения финансирования торфяной промышленности в 1920-х гг. не оправдала себя. Закрытие торфоразработок и спад торфодобычи в середине 1920-х гг. являлись (как и в случае с военными заводами) не показателем ненужности данного вида топлива, а издержками нэпа. Так, в годы Великой Отечественной войны в СССР произошло сокращение добычи торфа, но данный факт не может служить доказательством благополучной ситуации с топливом в стране и отсутствия потребности в торфе. Спад в отрасли в 1941–1945 гг.

⁹Гос. арх. Пензен. обл. (ГАПО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 51, 144, 161.

¹⁰Раевский Д. П. Торфяная промышленность в 1926–27 году // Торфяное дело. 1928. № 10. С. 329; Торфяная промышленность в 1923 году. Из отчета Цуторфа // Там же. 1924. № 5–6. С. 29; Торфяная промышленность в 1924 г. // Там же. 1925. № 1. С. 22; Торфяная промышленность в 1925 году. Отчет Госторфа // Там же. 1926. № 4. С. 87; Торфяная промышленность в 1925/26 году // Там же. 1927. № 3. С. 61.

¹¹В 1967 г. пос. Бондюжский (Татарская АССР) был переименован в г. Менделеевск.

¹²Торфяная промышленность в 1925 году. Отчет Госторфа... С. 86.

¹³ЦГАСО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 199. Л. 124 об.

¹⁴Подсчитано по: Торфяная промышленность в 1925 году. Отчет Госторфа... С. 86.

¹⁵Лепилин Л. Я. Торфяной фонд СССР на начало 1936 г. // Энергет. ресурсы СССР / под ред. Г. М. Кржижановского. М.: Акад. наук СССР, 1937. Т. 1. С. 482.

¹⁶Корелин М. Н. Добыча торфа в 1935 г. и план на 1936 г. // За торфяную индустрию. 1936. № 6. С. 9.

¹⁷Радченко И. И. Топливный кризис и торф // Торфяное дело. 1926. № 1. С. 1.

¹⁸Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 40. Ст. 254.

произошел из-за призыва мужчин трудоспособного возраста в армию и оккупации части СССР. Кризис торфяной промышленности середины 1920-х гг. был связан с отсутствием государственной поддержки. Доказательством востребованности топливного торфа производством может служить восстановление ряда закрытых торфоразработок уже в 1927–1928 гг., т. е. еще до начала крупномасштабной индустриализации.

В Поволжье в 1920-х гг. торф оказался экономически выгоднее дров и угля для предприятий Ульяновского суконного треста. В середине 1920-х гг. дрова обходились дороже торфа на Игнатовской, Измайловской и Тимошкинской¹⁹ фабриках. В результате трест продолжал вести добычу торфяного топлива даже для тех своих предприятий, где оно оказывалось дороже дров. В статье инженера Языковской фабрики²⁰ указывалось: «...болото закрыть совсем нельзя, ибо торф этого болота хороший (выше дров). Закрытое болото, раз уже осушенное, от гибели предохранить трудно (надо его снова затопить). Дрова на фабрике с каждым годом будут дорожать»²¹. В Ульяновском суконном тресте дрова занимали 57 % топливного объема, торф – 40 %, нефть – 3 % топливного объема²².

Таким образом, несмотря на кризис отрасли, в 1920-х гг. торфяное топливо стало не только средством преодоления периодического дефицита топлива, но и альтернативным вариантом дешевого энергоресурса, который позволял предприятиям выживать в условиях нестабильной экономики.

Следует отметить важный социально-культурный аспект торфоразработок. В 1920-х гг. на сезонные работы по торфоразработке Поволжья, как и других регионов страны, прибывали крестьяне ближайших населенных пунктов²³. Работа на добыче торфа способствовала повышению культурного уровня данной категории населения. О привлекательности Шатурских торфоразработок Московской области для крестьянской молодежи именно в аспекте приобщения к достижениям культуры писал в автобиографической брошюре известный стахановец 1930-х гг. Н. А. Зезюлин²⁴. На Жадовских и Аксаковских торфоразработках Ульяновского суконного треста выпускались стенгазеты и были

организованы драмкружки. На Жадовском участке также имелась небольшая библиотека²⁵. Окончательно центрами культурного просвещения сезонных рабочих торфоразработки СССР стали в годы предвоенной модернизации, но основы данной тенденции были заложены еще в 1920-х гг.

С 1926 г. в Среднем Поволжье началось постепенное восстановление торфяной отрасли. В 1926 г. в Татарской АССР стали добывать торф три винокуренных завода²⁶. В том же, 1926, году в Самарской губернии восстановила торфоразработки Мелекесская фабрика²⁷. В 1926–1928 гг. в Пензенской губернии завели свои торфяные хозяйства стеклотракторный завод «Красный гигант» в г. Никольск, Кондровская писчебумажная фабрика в Краснослободском уезде и Ширингушская суконная фабрика № 2 имени И. И. Кутузова в Беднодемьяновском уезде. В Ульяновской губернии добычу торфа продолжал вести суконный трест, в 1927 г. торфоразработки появились и у нескольких писчебумажных фабрик²⁸.

По мнению автора статьи, сокращение финансирования и децентрализация торфяной промышленности в 1920-х гг. были ошибочными. Во-первых, огромные торфяные месторождения страны использовались в недостаточной степени, что в условиях проблем с топливом было нерациональным. Соотношение запасов топлива в СССР, по данным 1920-х гг., было следующим: каменный уголь – 58,8 % топливного объема, торф – 31,1 %, дрова – 9,4 %, нефть – 0,7 % топливного объема. В 1927 г. топливный баланс СССР соответствовал имеющимся ресурсам только по каменному углю (59,5 %), дрова и нефть заготавливались с явной диспропорцией в сторону превышения (20,9 и 14,8 % соответственно). Торф разрабатывался явно в недостаточном количестве – 4,8 % топливного объема²⁹. Следует учесть, что в ходе хаотичных рубок леса в период топливного кризиса Гражданской войны резко ухудшилось состояние лесного фонда России. В период нэпа из-за недостатка финансирования восстановление лесов шло медленно [7]. Один из работников Цуторфа писал в 1924 г.: «...для покрытия годового расхода дров нам приходится вырубать... до трех и более годовых лесосек, что явно недопустимо и ведет к полному обезлесению нашей страны... Мы располагаем колоссальными, все возрастающими

¹⁹Игнатовская фабрика находилась в н. п. Игнатовка Майнского района, Измайловская фабрика – в районе р. п. Измайлово, Тимошкинская – в н. п. Старотимошкино Барышского района современной Ульяновской области.

²⁰Находилась в н. п. Языково Карсунского района современной Ульяновской области.

²¹Шостак Г. Я. Выгоден ли для наших фабрик торф? // Пролетар. путь. 1925. 7 июля. С. 3.

²²Местная жизнь. Промышленность // Там же. 1925. 11 нояб. С. 2.

²³ГАУО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 112. Л. 7.

²⁴Зезюлин Н. Моя жизнь – моя работа. М. : [б. и.], 1935. С. 4–5.

²⁵Березин Б. На болотах // Пролетар. путь. 1924. 2 июля. С. 3. ; Критов В. На торфе // Там же. 1924. 16 июля. С. 3.

²⁶Гос. арх. Респ. Татарстан (ГАРТ). Ф. 787. Оп. 1. Д. 939. Л. 38 об.

²⁷В Мелекесе начаты торфоразработки // Коммуна. 1926. 16 июня. С. 2.

²⁸ГАПО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 4. Л. 309, 320 об. – 321 ; Там же. Д. 5. Л. 269 ; Там же. Д. 7. Л. 226 об. ; Там же. Ф. 442. Оп. 1. Д. 1190. Л. 90 ; Козулин Ф. Средневожские торфяники и их использование. М., 1931. С. 19, 26.

²⁹Вихляев И. И. Торфяной фонд республики и его устройство // Вестн. торфяного дела и с.-х. использования болот. 1929. № 1. С. 10.

запасами торфяного топлива и в то же время сжигаем под котлами дорогую нефть, уничтожаем свои леса и держим на одном, поразительно ничтожном, уровне свою ежегодную торфодобычу»³⁰. Кроме того, при сжигании торфяное топливо более безопасно с экологической точки зрения, чем мазут или каменный уголь.

Во-вторых, основные месторождения угля (Донбасс, Кузбасс) и нефти (Баку) были далеко расположены от промышленных центров СССР, что требовало организации перевозок на сотни, а иногда и на тысячи километров. При недостаточно развитой сети железных дорог СССР это превращалось в серьезную проблему и отражалось в подорожании минерального топлива и перебоях в поставках. Специалист по топливному делу профессор А. Е. Пробст отмечал: «При оценке экономичности торфа обычно особо подчеркивают относительно высокую трудоемкость его добычи, но при этом не всегда полностью учитывается, что трудовые затраты на перевозку донецкого угля в центральные и северо-западные районы достигают, а иногда даже превышают затраты по его добыче» [8, с. 41].

В-третьих, утрата в 1922–1928 гг. централизации торфяной промышленности привела к значительным негативным последствиям. Торфяная промышленность превратилась в совокупность подсобных хозяйств при производственных предприятиях и электростанциях, что привело к спаду добычи торфа, закрытию торфоразработок, ухудшению условий труда и быта торфяников и т. д. В 1929 г. был создан 1-й Государственный торфяной трест, в его состав были включены 23 торфяных хозяйства на территории бывших Московской, Тверской и Владимирской губерний. Обследование торфоразработок, ранее находившихся у предприятий различных отраслей, показало «недостаточность... жилых помещений для постоянного и сезонного штата», «малоудовлетворительное состояние транспортных путей на торфоразработках», было выявлено, что «торфяное оборудование... нуждается в коренной реконструкции и замене его новым»³¹. Общесоюзные данные подтверждаются конкретными примерами. Так, после закрытия Кизических торфоразработок Татарской АССР торфяные машины были брошены и постепенно пришли в негодность³².

Возрождение торфяной отрасли в СССР началось в ходе индустриализации. В ноябре 1929 г. было создано Всесоюзное объединение торфяной промышленности (Союзторф) во главе с И. И. Радченко. Данная структура объединила только наиболее крупные торфяные хозяйства страны. В частности,

в Среднем Поволжье в 1930-х гг. не было образовано трестов Союзторфа, что предопределило замедленное развитие и техническое отставание торфоразработок региона, а также оставшихся подсобными хозяйствами промышленных предприятий [6, с. 98, 100–112, 129–138, 298; 9, с. 46].

Следует учесть еще один важный аспект кризиса торфяной промышленности. Спад и децентрализация торфодобычи существенным образом отразились на разведке торфяных болот. В дореволюционный период торфяные месторождения России оставались слабоизученными. Развернувшиеся в РСФСР торфоразработки в 1919–1920 гг. активизировали разведку торфяных болот. В 1919 г. было обследовано 6,6 тыс. га, в 1920 г. – 109,2 тыс. га, в 1921 г. – 183,4 тыс. га торфяных болот³³.

Сокращение финансирования в сфере разведок торфяных месторождений в полной мере проявилось в 1922–1924 гг. Если в 1922 г. было обследовано 136,6 тыс. га, то в 1923 и 1924 гг. – 72,6 тыс. га и 43,3 тыс. га соответственно. Наиболее результативными в этом плане за весь период нэпа стали 1926, 1927 и 1928 гг. (310,4 тыс., 736,5 тыс. и 560,3 тыс. га торфяных болот соответственно³⁴).

В 1928 г. в Уральской области из 168,4 тыс. га торфяных болот, состоящих на учете в Наркомате земледелия, рекогносцировочно обследовано было 99,404 тыс. га, детально – 50,990 тыс. га торфяных болот (всего – 89 %), что можно считать хорошим показателем. Центрально-Промышленная область, включавшая основной массив традиционных центров добычи торфа, показала следующие результаты: 1,376 млн га торфяных месторождений, из которых рекогносцировочно было обследовано 638,6 тыс. га, детально – 216,3 тыс. га (всего – 854,9 тыс. га, или 62 %). Гораздо хуже ситуация обстоит в Ленинградской области, где из 1,799 млн га было обследовано только 897,7 тыс. га (49,8 %)³⁵. Таким образом, не по всем регионам страны, располагавшим крупными торфяными месторождениями, к началу индустриализации имелись полноценные данные о топливных ресурсах.

Положение дел в Средне-Волжской области было схожим с ситуацией в Центрально-Промышленной области: из 20,0 тыс. га, учтенных Наркоматом земледелия, рекогносцировочно было обследовано 10,9 тыс. га и детально – 1,2 тыс. га. Общая доля изученных месторождений составляла 60,5 %, что можно было бы считать приемлемым показателем, если бы не данные по торфяному фонду региона в середине 1930-х гг., когда месторождения Куйбышевского (до 1935 г. – Средне-Волжского) края оценивались в размере 42 тыс. га [6, с. 77]. В 1928 г. было

³⁰Новиков В. К. Значение торфа в топливных запасах Европейской России // Торфяное дело. 1924. № 3. С. 1, 3.

³¹Сальников И. Ф. Организация 1-го Государственного торфяного треста // Там же. 1929. № 9. С. 378–379.

³²Забывтое добро // Красная Татария. 1925. 3 июля.

³³Вихляев И. И. 13 лет работы торфяных организаций НКЗ РСФСР по торфяному делу // Торф. 1930. № 1. С. 36.

³⁴Там же. С. 37.

³⁵Там же. С. 35.

известно о 20 тыс. га торфяных залежей в Среднем Поволжье, а спустя всего семь – восемь лет здесь фиксировалось уже 42 тыс. га месторождений. Единственным объяснением может выступать только недостаточное количество и качество геологических разведок.

В ряде случаев отсутствие полноценной информации о торфяных месторождениях Среднего Поволжья в ходе индустриализации в Средне-Волжском крае привело к недооценке данного вида топлива местной властью и директорским корпусом промышленных предприятий. В частности, на Репьевских торфоразработках добыча торфа в годы первой и второй

пятилеток составляла всего несколько десятков тысяч тонн, в то время как данное месторождение являлось одним из крупнейших в регионе (с запасами порядка миллиона тонн торфа). В 1930-х гг. в Ульяновске и других городах края периодически фиксировались перебои с топливом, в то время как рядом залежали сотни тысяч тонн топлива, равноценного дровам. В Татарской АССР, где запасы торфа были сопоставимы с запасами Куйбышевского края (50 и 70 млн т торфа соответственно), в заметных объемах торфоразработки развернулись только накануне войны и имели гораздо более низкие показатели, чем в Куйбышевском крае [6, с. 65, 77, 104, 272; 9, с. 49].

Заключение

Таким образом, торфяная промышленность СССР в 1922–1926 гг. переживала серьезный кризис. Децентрализация отрасли повлекла значительные долговременные последствия в виде сокращения производства в 1925 г. и медленных темпов развития отрасли в 1923, 1924 и 1926 гг., отставания в механизации и недостаточного уровня разведки торфяных месторождений. Были остановлены торфоразработки в Татарской АССР, а также в Пензенской и Самарской губерниях. Замедление торфяной промышленности в 1920-х гг. негативно отразилось на развитии отрасли в годы предвоенных пятилеток.

В СССР в условиях реализации экономики догоняющей модернизации и сурового, по сравнению с Европой, климата не существовало альтернативы интенсивному освоению богатых торфяных месторождений страны. Годы нэпа явились своеобразной проверкой на выживаемость торфяной промышленности без господдержки. Этот экзамен с определенными издержками и проблемами отрасль выдержала. Но потерянное в 1920-х гг. время для разведок торфяных месторождений и обеспечения торфоразработок техникой пришлось в спешке компенсировать, допустив многочисленные ошибки в условиях довоенной модернизации.

Кризис торфяной промышленности 1920-х гг. повторился в период нового витка развития, когда при переходе к рыночной экономике в 1990-х гг. государство, как и в годы нэпа, перестало финансировать отрасль. Результатом стало прекращение добычи торфа в 2003–2009 гг. в Брянской, Курской,

Московской, Рязанской областях, Мордовии, Удмуртии и Чувашии, а в 2016 г. – в Ярославской области [10, с. 8; 11, с. 145]. В настоящее время в Кировской области действует акционерное общество «ВяткаТорф», на долю которого приходится 47 % объема торфа, добываемого в России. Во Владимирской области ООО «Мезиновское торфопредприятие» производит топливные брикеты и топливный фрезерный торф [11, с. 142, 144]. Еще несколько аналогичных предприятий функционируют в других областях России. Успешно развивается добыча торфяного топлива в соседней с Российской Федерацией и сходной с ней по природным условиям Республике Беларусь.

Уникальный исторический опыт функционирования индустрии СССР как альтернативного варианта развития мировой экономики в XX в. представляет собой интересное направление для изучения. При этом топливный сектор экономики должен рассматриваться комплексно, с учетом неоправданно забытых историками отраслей, в частности торфяной. Помимо теоретического аспекта, история торфяной промышленности имеет выход и в практическую плоскость современной экономики. В отличие от каменного угля, нефти и газа торф относится к возобновляемым природным ресурсам. По мнению специалистов, добыча торфа в России имеет значительные возможности для поступательного развития [1, с. 11; 11, с. 145]. В связи с этим изучение истории развития торфяной промышленности СССР представляет собой актуальное направление.

Библиографические ссылки

1. Панов ВВ, Мисников ОС. Современные тенденции развития торфяной отрасли России. *Труды Инсторфа*. 2015; 64(11):3–12.
2. Родионов НА. Государственная политика в сфере выявления и использования топливно-сырьевых источников на Урале (1920–1930-е гг.). *Социум и власть*. 2013;44(6):123–127.
3. Родионов НА. Мобилизация торфяных ресурсов Урала на нужды военного производства (1941–1945 гг.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;51(1):168–172.
4. Копенкина ЛВ. *История торфяного дела в России*. Тверь: Тверской государственный технический университет; 2015. 228 с.

5. Симонов НС. *ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управления*. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке; 2015. 500 с.
6. Воейков ЕВ. *Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930–1941 гг.* Самара: Самарский федеральный исследовательский центр РАН; 2011. 404 с.
7. Воейков ЕВ. История восстановления лесного фонда Поволжья в годы нэпа: экологическая проблема нестабильной экономики. *Вопросы истории*. 2020;6:224–234. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202006Statyi21.
8. Пробст АЕ. *Социалистическое размещение добычи и потребления топлива в СССР*. Москва: Госпланиздат; 1950. 132 с.
9. Воейков ЕВ. «Торфяные пятилетки» в Поволжье – забытая страница истории 1930-х гг. *Российская история*. 2010; 2:43–52.
10. Плакиткина ЛС, Апукхин ПА. Анализ развития торфяной промышленности в России и мире в период с 2000 по 2009 годы. *Горная промышленность*. 2011;1:4–12.
11. Пешкова ГЮ, Бондарь ЕГ. Предпосылки развития торфяной промышленности Северо-Западного региона. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2020;63(4):141–147.

References

1. Panov VV, Misnikov OS. [Modern trends of development of peat industry in Russia]. *Trudy Instorfa*. 2015;64(11):3–12. Russian.
2. Rodionov NA. Government and regional policy towards the exploitation and use of the sources of fuel and raw materials in the 1920s–1930s. *Sotsium i vlast'*. 2013;44(6):123–127. Russian.
3. Rodionov NA. Mobilization of peat resources of Ural for the needs of war production (1941–1945). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015;51(1):168–172. Russian.
4. Kopenkina LV. *Istoriya torfyanogo dela v Rossii* [History of peat business in Russia]. Tver: Tver State Technical University; 2015. 228 p. Russian.
5. Simonov NS. *VPK SSSR: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva, upravleniya* [The military-industrial complex of the USSR: the pace of economic growth, structure, organisation of production, management]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke; 2015. 504 p. Russian.
6. Voeikov EV. *Torfyanaya i slantsevaya promyshlennost' Povolzh'ya. 1930–1941 gg.* [Peat and shale industry of the Volga region. 1930–1941]. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 2011. 404 p. Russian.
7. Voeikov EV. The history of restoration of the Volga forest fund during the NEP: the environmental problem of an unstable economy. *Voprosy istorii*. 2020;6:224–234. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202006Statyi21.
8. Probst AE. *Sotsialisticheskoe razmeshchenie dobychi i potrebleniya topliva v SSSR* [Socialist placement of fuel production and consumption in the USSR]. Moscow: Gosplanizdat; 1950. 132 p. Russian.
9. Voeikov EV. [Peat five-year plans in the Volga region – a forgotten page in the history of the 1930s]. *Rossiiskaya istoriya*. 2010;2:43–52. Russian.
10. Plakitkina LS, Apukhtin PA. [Analysis of the development of the peat industry in Russia and the world in the period from 2000 to 2009]. *Gornaya promyshlennost'*. 2011;1:4–12. Russian.
11. Peshkova GYu, Bondar' EG. Prerequisites to development of peat industry in Northwest region. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. 2020;63(4):141–147. Russian.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023.
Received by editorial board 09.01.2023.